

Угрозил выкупом.

Объявление за строку стоит 10 коп. со всего в Латвии в месяц 1 Л. 40 с. (70 р.) пред. труда 14 с. (7 р.) пред. труда 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для выкупов 10 стр. стоит за строку.

Ред.: Рига, Маламачева 57 (ул. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. трол. — 21733 и 21334, почт. редак. — 21334. Главная контора и экспедиция Рига, Маламачева ул. 57. Тел. конторы 21031, телеф. редакционного отдела 21235.

С Е Г О Д Н Я

№ 193.

ВЫХОДИТ УТРОМ И ВЕЧЕРОМ.

11-й г. изд.

**Воскресенье,
14 июля 1929 года.**

Цена номера в Латвии 10 коп. 5 р. в Латвию за все под. 40 коп., в Польшу за все под. 40 грн., за утр. 40 грн. за воскр. 40 грн. Норм. под. на „Сегодня“ за все под. (за 7 под. в нед.) в Латвии 3 Л. 50 с. (175 р.), закр. 5 Л. 20 с. (200 р.) или 1 стр. под. Норм. под. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечером“ (13 под. в нед.): в Латвии 5 Л. 75 с., закр. 5 Л. 50 с. или 1.70 стр. под.

Чеховъ-гимназистъ на каникулахъ.

Ко дню 25-лѣтія со дня смерти А. П. Чехова общество его имени въ Москвѣ выпускаетъ «Чеховскій сборникъ», содержащій рядъ неопубликованныхъ публицистическихъ произведеній Чехова, писемъ къ его литературнымъ товарищамъ и знакомымъ; нѣсколько статей и изслѣдованій, раскрывающихъ основные моменты чеховскаго творчества.

Въ отдѣлѣ воспоминаній находимъ нѣсколько яркихъ страницъ брата Антона Павловича — Михаила Чехова, рассказывающаго о томъ, какъ проводилъ свои каникулы Чеховъ. Приводимъ отрывокъ изъ этихъ воспоминаній, рисующихъ Чехова гимназистомъ.

«Сколько помню, всей семьей выѣзжали за все мое дѣтство въ деревню всего только одинъ разъ — это въ слободу Криничку. Къ этой побѣздѣ приготавлились задолго. Старшій братъ Александръ долго клеилъ себѣ изъ сахарной бумаги шляпу съ широкими полями, которой потомъ испугалъ лошадей, а братъ Николай, будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, добылъ себѣ откудова складной цилиндръ (шапо-клякъ) и задумалъ ѣхать въ немъ. Насмѣшкамъ со стороны Антона не было конца. Мамаша Евгенія Яковлевна, конечно, напекла и наварила всякой снѣди въ дорогу. Наняли простого дрогаля, т. е. домового извозчика Ивана Федорыча, устлали его дроги подушками, одеялами и ковромъ, и всѣ семеро, не считая самого извозчика, усѣлись на дроги и поѣхали: мамаша, сестра Маша, братья — Александръ въ шляпѣ изъ бумаги, Николай въ цилиндрѣ, Антонъ, Иванъ и я. Даже и не представляю себѣ теперь, какъ мы могли размѣститься на этихъ дрогахъ и ѣхать цѣлые семьдесятъ верстъ туда и семьдесятъ обратно. И все время Николай сидѣлъ въ цилиндрѣ босой и, прищуривъ одинъ глазъ, терпѣливо выслушивалъ отъ Антона насмѣшки и названіе «Косой».

— «Косой, дай покурить. Мордокривенко, у тебя есть табакъ?»

А извозчикъ Иванъ Федорычъ только покачивая головой и добродушно ворчалъ:

— Ну и парнишка... Когда вернемся, всѣхъ покатаю, а его не возьму.

Первый привалъ дѣлали въ Самбекѣ, на берегу рѣчки. Распрягли лошадей, варили кашу, закусывали на коврѣ. Антонъ и Александръ разводили костеръ. Николай, въ цилиндрѣ, лежалъ на травѣ и мечтательно, прищуривъ глазъ, молча смотрѣлъ

въ пространство, а Иванъ, подсымывая носомъ, переобувался.

Проѣхали затѣмъ Амбросимовку, Мигрину, Чутину и къ вечеру, еще до захода солнца, добрались до Кринички. Это было обыкновенное село, въ которомъ при церкви былъ колодезь съ очень холодной водой, почитавшейся цѣлебной. Около нея были выстроены бараки, въ которыхъ этой водой обливались, черпая ее ведрами изъ колодезя. При выѣздѣ въ Криничку, Антонъ, все время дразнившій Николая за его цилиндръ, наконецъ, не выдержалъ и сбилъ у него шляпу съ головы. Цилиндръ попалъ какъ разъ подъ колесо и его раздавило такъ, что съ боковъ повылѣзли наружу пружины. Тѣмъ не менѣе, безропотный Николай подобралъ свой головной уборъ, снова надѣлъ его и, такъ, съ пружинами, торчавшими изъ боковъ и продолжалъ дальнѣйшій свой путь. А въ это время Александръ кричалъ, сколько хватало у него силъ:

— Эй, дивчина! Пойди скажи батюшкѣ, что архіерейская цѣвческа пріѣхала.

Не успѣли доѣхать и остановиться у какого-то крестьянина, какъ Александръ и Антонъ уже достали откудова-то бредень и пошли на рѣку ловить рыбу. Поймали пять маленькихъ щучекъ и около сотни раковъ, изъ которыхъ на слѣдующій день мамаша сварила намъ превосходный обѣдъ.

Цѣлые двое сутокъ провели мы въ Криничкѣ, при чемъ не обошлось безъ происшествія: пропалъ бредень, которымъ Антонъ и Александръ ловили рыбу. Пришла баба и наскандалила, очевидно, рассчитывая получить отступного. Антонъ смутился и сталъ ей доказывать, что послѣ ловли бредень былъ поставленъ обратно на свое мѣсто, а Александръ, серьезно глядя ей въ глаза, нагло говорилъ:

— Соображался съ европейской политикой, я могу привлечь васъ къ отвѣтственности за клевету. Прошу васъ не забывать, что я — коллежскій регистраторъ.

И, странное дѣло. Въ то наивное время этихъ словъ было достаточно, чтобы бредень сразу нашелся и чтобы все обошлось какъ нельзя лучше.»

С. Д. Балухатый въ томъ же сборникѣ, на основаніи указаній чеховской «Записной книжки» нашелъ въ старыхъ номерахъ «Новаго Времени» нѣсколько публицистическихъ статей и замѣтокъ Чехова, существенно пополняющихъ наслѣдіе Чехова

журналиста. Очень выразительна, напримеръ, для Чехова статья въ защиту студенчества отъ нападокъ за «равнодушіе», якобы проявленное студенчествомъ во время борьбы съ холерной эпидеміей 1892 года. Чеховъ, основываясь на рѣчи министра народнаго просвѣщенія, обращенной къ московскимъ студентамъ, написалъ небольшую передовую статью для суворинской газеты.

Приводимъ полный текстъ этой вновь найденной чеховской публицистической замѣтки.

Рѣчь министра.

«Рѣчь, съ которою г. министръ народнаго просвѣщенія обратился 23 января къ студентамъ Московскаго университета, производитъ отрадное и освѣжающее впечатлѣніе. Когда изо дня въ день говорятъ намъ только о практичности молодежи, дугаютъ ее меркантильнымъ направленіемъ, холодною, сухостью, безыдейностью и т. п., когда входитъ въ моду, непремѣнно съ потугой на современность, изображать въ повѣстяхъ и романахъ студента въ мундирѣ съ бѣлой подкладкой, наглаго, говорящаго одни только банальныя пошлости и мечтающаго о чинахъ и повышеніяхъ по службѣ, когда наконецъ, отцамъ и матерямъ душно и жутко дѣлается отъ этого унылаго стenanія по адресу подрастающаго поколѣнія, становится весело и съ души сваливается тяжесть, когда слышишь цѣлый рядъ громкихъ и авторитетныхъ подтвержденій, что наши студенты въ послѣднюю холерную эпидемію заявили себя благородными, самоотверженными, великодушными и притомъ въ высшей степени скромными людьми, работавшими не ради славы и награды, а изъ чувства долга. Г. министръ говоритъ объ отзывѣ С. Ю. Витте, который, обязывая во время холеры многія губерніи, получалъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія о томъ, что студенты — медики относились къ своимъ обязанностямъ съ необыкновенной самоотверженностью. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ дѣятельность студентовъ характеризовалась самымъ лестнымъ образомъ. Что еще, какихъ еще заявленій нужно, чтобы утереть слезы тѣмъ кабинетнымъ устрицамъ, которыя, наблюдая молодежь сквозь скорлупу, видятъ одну только бѣлую подкладку и слышатъ разговоры только о рубляхъ и чинѣ титулярнаго совѣтника?»